

В. Н. Яранцев

*Независимый исследователь
Новосибирск*

**«Тайное тайных» как принцип сюжетной организации
романа Всеволода Иванова «Проспект Ильича»**

Роман Вс. Иванова «Проспект Ильича» как произведение «возвращенное» исследуется в контексте идейно-эстетической близости его книге «Тайное тайных», также недавно введенной в научный оборот. Военная тема, сюжет противостояния врагу позволяют главному содержательно-конструктивному принципу книги рассказов Вс. Иванова через сочетание реального и «тайного» функционировать в романе на интертекстуальном уровне, перекликаясь с произведениями классиков и современников писателя. Обнаруживается близость романа военным произведениям Л. Толстого и А. Платонова, а также сходство с построением романа Б. Пастернака «Доктор Живаго». Принцип остранения, очевидный при изображении реалий жизни города и завода, героев и их поступков, при осязательном присутствии сибирско-«восточного» «материала», распространяется и на сюжет романа «Проспект Ильича». Анализ некоторых сюжетных линий, связанных с отношениями главных героев: сцена знакомства, вылазки в стан гитлеровцев, оборона Дворца культуры и т. д., выявляет использование автором известного в литературе приема «ошибки», а также «узнавания / неузнавания» в аспекте поэтики «тайны» и «романа тайн». Впоследствии он вошел в записи Вс. Иванова по теории литературы. Наличие названных признаков подтверждается сопоставлением с романом Б. Пастернака «Доктор Живаго», где также наличествует «энигматический интрига», служащая важным структурным принципом этого произведения. Для романа «Проспект Ильича» данные черты, органичные в отношении произведения Б. Пастернака, находятся в сложных отношениях с содержательной стороной, вступая в определенный диссонанс с темой войны и антивоенным пафосом автора. Это отразилось на очевидной недоработанности романа, представленного недатированной редакцией текста. В то же время подобная «недоработанность» – один из ведущих признаков творчества Вс. Иванова в целом, исходившего из поэтики «тайного тайных», предполагающей недосказанность. Преемственность романа «Проспект Ильича» главной книге писателя середины 1920-х гг. доказывается, таким образом, и в аспекте сюжетной организации этого романа.

Ключевые слова: творчество Вс. Иванова, военная проза, поэтика тайны, остранение, интертекстуальность.

Всеволод Иванов еще в конце 1920-х гг. приобрел опыт написания многопланового, жанрово оригинального романа «Кремль» («роман-хроника... фольклорная фантастика, близкая к народным сказам», по словам В. Каверина) [Иванов, 1990, с. 515–516]. Произошло это под влиянием книги «Тайное тайных», состо-

Яранцев Владимир Николаевич – кандидат филологических наук, литературовед, литературный критик (Новосибирск, Россия, yarantsevvn@mail.ru)

явшей из рассказов, герои которых мотивированы и психологически, подсознательно, и реалистически: уход в фантастику, мистику происходит лишь отчасти. Следующий роман Вс. Иванова «У», «необыкновенно сложно написанная вещь» [Шкловский, 1975, с. 20], выглядит попыткой преодоления наследия «Тайного тайных» и «Кремля» в силу нарастания иронии и пародийности. Не случайно вслед за ним на первый план выходит проект романа целиком реалистического, на базе автобиографического материала – «Похождения факира» (1934), и исторического – «Пархоменко» (1939).

В романе «Проспект Ильича» Вс. Иванов возвращается к «серьезности» «Тайного тайных», решая творческую задачу изображения и исследования русского / советского патриотизма в его противопоставлении мощи врага, особенно сильного в первые годы Великой Отечественной войны. Этот большой сюжет, фабула, смысл и схема которого – противостояние необычно сильному врагу, имеет не только «горизонтальное» измерение чередования цепи событий, но и вертикальное, объемное: как показ той потенциально большой мощи, которой обладает русский / советский народ. Отсюда параметры повествования: Дворец культуры, завод сельскохозяйственных машин (СХМ), памятник В. Ленину, основателю нового государства и человека. Все это сгруппировано в собирательный образ-символ Проспекта Ильича.

Эту печать изначально заданного синкретизма: искусство-труд-идеология – несут на себе герои романа. Практически все они сочетают в себе любовь к искусству и исключительное трудолюбие советско-стахановского закала. Таковы ключевые герои произведения: певица Полина Вольская, рабочий Матвей Ковалев, директор завода Рамаданов, генерал Горбыч. Нашествие гитлеровцев возбуждает синхронную ответную реакцию трудового героизма и необычного культурного подъема. Это двуединство и становится залогом героизма военного, основой успешной борьбы с превосходящими силами врага. Не случайно главным оплотом сопротивления и победы на этом участке фронта становится Дворец культуры с его огромной, в «сто тысяч томов», библиотекой с редкими книгами. Не случайно и то, что на первый план при обороне Дворца выдвигается библиотекарь Силигура: именно с его точки зрения отпор отрядам фон Паупеля выливается в столкновение варваров и хранителей культуры. Необычно тесной является в романе связь библиотеки с заводом через фигуру Рамаданова. Его образ как «друга Ленина» [Иванов, 2016, № 12, с. 148]¹, служит символом и советской власти, противостоящей фашистам. Ярко выраженная «книжность», насыщенность литературой «Проспекта Ильича» продемонстрирована в «лекции» об еретиках во всемирной истории и культуре, которую Рамаданов читает Ковалеву. Эта «книжность», пронизывающая собой весь текст романа, выступает на грани интертекстуальности: Гоголь («Невский проспект», «Тарас Бульба») и А. Белый («Петербург») во вступительной главе, Л. Толстой («Война и мир») в сценах сражений, обрисовке персонажей (Динулин, Птицкий, фон Паупель, Горбыч), Т. Шевченко («Кобзарь») и И. Тургенев (повести о любви) в характеристике Горбыча и товарища П., а также современник писателя А. Платонов (военные рассказы) в сценах единоборств героев Иванова с врагом – всё это не просто отсылки к известным произведениям, но знаки ощутимого воздействия на поэтику «Проспекта Ильича».

Матвей Ковалев выделяется из системы персонажей почти полным отсутствием «книжности», литературных прототипов. Но в то же время символичность в нем наиболее очевидна, даже преувеличена, так как именно он концентрирует в себе черты советского человека-патриота, напрягающего все силы в борьбе

---

¹ Далее ссылки на это издание даются в круглых скобках с указанием номера журнала, в котором опубликован роман, и страниц.

с немецкой армией. Характерна, например, его молниеносная карьера от рабочего-стахановца до директора завода. При этом он буквально живет заводскими заботами – противотанковыми пушками, непрерывным совершенствованием их конструкции, наращиванием производства и убойной силы, делает все возможное и невозможное, чтобы быстрее ввести их в строй, разве что сам не становится орудием уничтожения врага. Подчеркивает символизм его образа личное противостояние главе немецкой армии полковнику (затем генералу) фон Паупелю. Он буквально одержим мстостью, и это противостояние не столько идеологическое: «советская власть – немецкий фашизм», сколько духовно-моральное, психологическое, на уровне подсознания. И если фон Паупель мнит себя рыцарем-крестоносцем, достойным потомком древнего воинства, для кого русские не могут быть полноценными соперниками, то Матвей воплощает в себе народ и Россию – на пределе своего человеческого естества. Конкретным, предметно-образным оформлением этого символического единоборства двух начал – темного (гитлеровцы) и светлого (русские / советские) – является оппозиция «немецкий танк – русский / советский воин», или «бездушное, металлическое – человеческое, живое», а в итоге бездушие и дух. Здесь возникает невольное сопоставление с военными рассказами А. Платонова «Неодушевленный враг» и «Одухотворенные люди».

Эта символика в романе отражает и реалии начала войны, когда немецкие танки стали главной ударной силой, обеспечивающей победы врага, и объектом изображения в отечественной литературе – очерках, рассказах, повестях. Неравное противостояние человека с танком, обнаруживающее невиданный потенциал души и духа, вырастающего до поединка с самой смертью и неизменно преодолевающего ее, с особенной силой показал А. Платонов в военных рассказах. Выходя на уровень мифа, притчи, сказки, автор рассказов «Одухотворенные люди», «Смерти нет! (Оборона Семидворья)», «Пустодушие» и др. сближается в этом со Вс. Ивановым как автором «Прспекта Ильича». У обоих писателей танк выглядит как живое существо. У А. Платонова это связано с его «техническим» реализмом, когда герой, как правило, мастер, рабочий, машинист паровоза или изобретатель одушевляет машину «насквозь осмысленной организованной мыслью» [Толстая-Сегал, 1994, с. 77], а также с ситуацией и обстоятельствами войны, пограничьем жизни и смерти и преодолением этой границы: требованием «смерти как жизни» [Платонов, 1986, с. 76], «обучаясь новой жизни возле своей гибели» [Там же, с. 136]. Подход Вс. Иванова также двойственен, но эта двойственность уже другого рода. Она происходит, во-первых, из осознания непоправимой дремучести фашиста и теоретика «танковых масс» фон Паупеля, с его «романтизмом в духе Шлегеля» (№ 10, с. 106), во-вторых, из природного метафоризма поэтики Вс. Иванова, одновременно оживляющего танки своими неожиданными сравнениями и ими же уничтожающего их: танки «издали похожи на огромные блюда» (№ 10, с. 146) или «на ушаты» (№ 11, с. 96); немцы идут за ними, «будто выводок за уткой» (№ 11, с. 96) и т. д. Сопоставление с творчеством А. Платонова начала войны позволяет увидеть в романе Вс. Иванова черты мифологичности, сказочности, которые ему удавалось столь своеобразно сочетать с подлинным реализмом своей прозы. О том, что это одна из доминант творчества Вс. Иванова не исчезла бесследно в 1930-е гг., говорит пьеса с поистине сказочным сюжетом «Ключ от гаража», созданная в 1942 г. в Ташкенте: появление у обычного кассира Тульского консервного треста Якова Щелкана волшебного ковра, помогающего разоблачить воров и прохиндеев Обертынского и Алиева.

Глубинное родство творчества Вс. Иванова и А. Платонова, не зависевшее от смены времен и эпох, уже не раз отмечалось. Так, Е. Папкина, известная исследовательница книги Вс. Иванова «Тайное тайных», в статье, сопоставляющей по-

весть А. Платонова «Джан» и рассказ Вс. Иванова «Сизиф, сын Эола», отмечает притчевость их прозы, способность к переосмыслению традиционных мифов в соответствии с гуманистическими запросами художественной мысли писателей: это «философские произведения, герои которых поставлены в некую условную ситуацию этического выбора», что и позволяет употребить термин «притча» или «по крайней мере говорить об элементах притчи в жанровой форме этих текстов» [Папкова, 2008, с. 286]. Но и то, что их отличает, не всегда строго поддается дифференциации. Так, реалистическому вектору своего творчества Вс. Иванов обязан его сибирскому происхождению, особенно этнографизму, духу сибирской земли, стремящейся к широте, оригинальности и силе во всем, о чем идет в произведении речь. А. Платонов, в отличие от «почвенности» Вс. Иванова, при кажущейся реалистичности повествования включает в орбиту своих познавательных и творческих задач утопические идеи А. Богданова и Н. Федорова, К. Циолковского и В. Розанова. В его прозе ощутимы также сближения с В. Шкловским и Б. Пильняком, а в специфике мировоззрения видна склонность к рационализации «структур, присущих индивидуальному сознанию», в котором «свободно и неожиданно предельная конкретность сплетается с абстрактностью любого уровня» [Толстая-Сегал, 1994, с. 68]. Творчество А. Платонова метафизично, в нем нет преград между землей и космосом, «вещественным и невещественным» (С. Бочаров), живым и неживым. Вс. Иванов же в большей мере следовал за сугубым реалистом М. Горьким, поддерживавшим как раз его «сибирский реализм». Одновременно «формалист» В. Шкловский стимулировал его «серапионство», авантюрно-приключенческий дар писателя, склонного к «фантастическому реализму» с активизацией прежде всего сюжетности, которая была заниженной в творчестве Платонова.

И то, и другое присутствует в «Проспекте Ильича». Роман в первую очередь предстает как реалистический, с явными приметам «сибирскости» в ее восточной, «евразийской» составляющей. Так, уже в первой главе упоминается Сибирь, откуда поставляется материал для памятника Ленину, а Ковалев наделен хромотой, как и древний полководец Тимур, чью биографию Матвей увлеченно читает. Сибирь как генетически родственный Востоку и всему восточному край (сам Вс. Иванов родился и формировался как человек и писатель в Павлодаре, на пограничье Сибири и Казахстана) сближается с Индией, страной факиров, куда мечтал попасть писатель. Близок этим местам и Узбекистан, куда должен эвакуироваться СХМ, и выглядит сказочной, обетованной страной со своим Проспектом Ильича: инженер Коротков заказывает памятник Ленину, чтобы завод выглядел так, как на прежнем месте. То, что Узбекистан, Ташкент в творчестве Вс. Иванова не случайны, несут в себе образ романтической, заповедной страны, свидетельствует не только пьеса «Ключ от гаража» с явно волшебным сюжетом о древнем волшебном ковре «Роза Азии» и его особом предназначении в современности, но и роман «Кремль», в котором среди чисто российской жизни, с противостоянием рабочей «Мануфактуры» и мещанского «Кремля», парадоксально существует «Дом Узбека». И отцу, и сыну Буаразовым легендарный дракон Магнат-Хай, знакомый им по родным краям, является уже в роли судьи, так что в итоге узбеки все же оказываются «на стороне Вавилова» [Иванов, 1990, с. 247], т. е. «Мануфактуры».

Стремление к остранению не только героев, их поступков и образа мыслей, но и сюжета является еще одной доминантой творческого метода Вс. Иванова, достойного адепта литературного «Серапионова братства». В наиболее острой и явной форме это проявилось в романе «Иприт» (1925) и рассказах «Тайное тайных» (1927), а в начале 40-х гг., в первые годы войны, очевидным образом возродилось в «Проспекте Ильича». Свою роль здесь сыграло и нахождение самого Вс. Иванова

ва в Узбекистане, в Ташкенте – волшебном крае, близком Индии, где сложилось свое «братство», «Ноев ковчег», «Ташкентский мир» эвакуированных столичных писателей с атмосферой вольностей духа, мысли, пера, «острого чувства свободы» [Громова, 2019, с. 13]. Достаточно познакомиться с кругом чтения Вс. Иванова, поразительно пестрым спектром имен и книг, отмеченных в «Дневниках». Согласно хронологии: «Теория права» Л. Петражицкого, И. Кант, Майн Рид, «О понимании» В. Розанова («Читал логику Розанова “О понимании”. Великолепнейший русский язык, а в системе, как и у большинства современных философов, – радость строительства системы. Когда в будущем философы научатся говорить в диктографы (да и диктографы подешевеют), системы будут совсем необъятны» [Иванов, 2001, с. 99]), «Эликсир сатаны» Э. Гофмана, «Таинственный остров» Р. Стивенсона, Плутарх, «Тысяча и одна ночь», «Роллан о Ганди», «Начало основ философии» А. Кудрявцева, «Бесы» Достоевского («и для равновесия – “Минералогию”») [Там же, с. 163]), «Историю величия и падения Рима» Ферреро, Вольтер, «Записки ружейного охотника» С. Аксакова («затем – “Критику отвлеченных начал”» Вл. Соловьева [Там же, с. 183]) и т. д.

Важную роль в этом последовательном остранении романа играет сюжетный прием «ошибки». Как вспоминал сын писателя Вяч. Вс. Иванов, именно во время доработки текста летом 1943 г. Вс. Иванов «пришел к выводу, что для строения произведения очень важна ошибка, совершенная кем-либо из героев» [Иванов Вяч. Вс., 1975, с. 345]. В дальнейшем в своих записях по теории литературы «Прямая речь» он толковал феномен ошибки в «строении романа» не только как «путаницу одного человека с другим, начатую еще Плавтом», но и «восприятие несхожего предмета как близнеца»: так Дон Кихот ищет предметы, «равные его воображению» [Неизвестный Всеволод Иванов..., 2010, с. 490]. «На почве ошибки», развивает свой тезис уже в другом месте Вс. Иванов, возникает «контраст положений», и далее следует целая «теория контрастов», значимая для «строения романа». В «Проспекте Ильича» главная «ошибка» состоит в том, что Матвей Ковалев уверен: его случайная знакомая Полина Вольская – уличная проститутка, нуждающаяся в трудовом перевоспитании. Вольская, однако, в этом не нуждается: талантливая во всем, она становится не только незаурядной работницей-стахановкой, но и оказывается в роли разведчицы в логове врага. Странно желание Моти – третьего члена любовного треугольника с участием Полины и Матвея – работать на радио диктором, пытаясь таким образом обратить на себя внимание Матвея; необычно обнаружить библиотекаря Силигуру, похожего на чеховского «человека в футляре», летописцем завода и в какой-то мере соавтором романа, фиксирующего события, встречи, разговоры людей, связанных с СХМ.

Явным остранением² выглядит вся сюжетная линия «вылазок» главных героев романа в стан врага. Особенно приключения Матвея, с риском для жизни влившись в толпу жителей деревни, согнанных на казнь односельчан. Зуботычина, полученная там от фон Паупеля, и замещение обреченного на смерть Матвея одним из крестьян являясь, во-первых, поводом для личной мести Матвея полковнику и, во-вторых, еще одной «ошибкой», сюжетным ходом, благодаря которому Ковалеву словно дарована дополнительная жизнь как герою, символизирующему общенародный отпор врагу, «народному» герою. Тем самым усиливается монументальность, «памятниковость» его фигуры. И в то же время, словно снижая

---

² Ср. определение этого термина у В. Шкловского как «способ пережить делание вещи», стремление «дать ощущение вещи как видение, а не как узнавание» [Шкловский, 1983, с. 15], и Вс. Иванова – остранение как средство оживления «банальных положений» [Иванов, 1978, с. 411], в число которых входит и «узнавание» и которое может быть ложным, т. е. ошибочным, «контрастным», в соответствии с его «теорией контрастов».

на глазах «бронзовеющий» образ своего героя, Вс. Иванов переводит героико-драматический сюжет в авантюрный, «пинкертоновский»: Матвей с группой переодетых во вражескую форму партизан отправляется к немцам, чтобы похитить журналистов, якобы обладающих важной информацией. При этом военная, разведывательная необходимость этой акции отсутствует, оправдываясь мстью: «Какую же свинью можно подложить полковнику фон Паупелю... все карты попутает!» (№ 10, с. 112). Другая мотивировка этой операции имеет литературно-психологический характер: командир партизанского отряда товарищ П. одобряет авантюру Матвея, будучи поклонником и усердным читателем И. Тургенева. Ему кажется, что Ковалев идет на риск ради Полины, чтобы доказать ей свою любовь, так как обладает для этого главным – «редким романтическим сердцем» (№ 10, с. 111). Рефлексия бывшего «ветеринарного фельдшера» товарища П., думающего над «тонкими вещами», под стать самому Вс. Иванову: «Предметы этих тонких чувств находятся в тылу, а вернее сама любовь, стремясь отдаться всецело войне, отодвигает их, убирает в тыл» (№ 10, с. 111). Таким образом, поездка Матвея к врагу выглядит как плод романтических чувств и товарища П., и самого автора романа.

Такое подчеркивание сюжетно-композиционных «швов», стыков, параллелей своего произведения писателем иногда выглядит столь явно, что ощущается как прием, в соответствии с формулой В. Шкловского «искусство как прием». Так, диалог Моти и Матвея, касающийся Полины, Вс. Иванов завершает сообщением о том, что она «в эти минуты пересекала улицу Кирова, чтобы войти в бюро пропусков и затем в штаб командования участком фронта» (№ 9, с. 99). Вслед за тем получает развитие сюжетный комплекс приключений героев в стане врага и строительство подпольного участка завода в партизанском отряде. Еще более явным примером обнажения элементов сюжетной конструкции в «Проспекте Ильича» является стык двух сюжетных линий в повествовании об обороне Дворца культуры: 1) Полину и Мотю, скрывающихся от проникших в здание немцев в подвале, отделяет от места, где те могут появиться, железная дверь, открывающаяся извне; 2) Матвей, сражающийся с немцами в коридорах Дворца, оказывается по другую сторону двери, готовый ее открыть и тем самым погубить девушек, собирающихся покончить с жизнью, зная, что оттуда могут появиться только немцы. Эта дверь, по сути, символизирует те сюжетные контрасты и контрапункты, которыми оперирует автор на протяжении всего романа, но не выходя за пределы реальности изображаемого: «Сколько раз позже Матвей жалел, что не сорвал дверцы. И столько же раз он радовался, что не сорвал их. Кто знает, как бы он тогда предстал перед девушками: героем ли с гранатой в руке или же граната кинулась бы впереди него, или же девушки кинулись бы вниз головой в колодец» (№ 11, с. 128). Чуть ранее, а практически одновременно, Вс. Иванов обнажает еще одну сюжетную параллель: «В то же приблизительно время генерал Горбыч, долго и мужественно размышлявший и советовавшийся, на какой шаг решиться, наконец, приказал начальнику штаба: ввести в дело все (здесь и далее выделено автором. – В. Я.) пехотные и танковые резервы и при поддержке всей авиации бросить их к участку сражения возле СХМ и Проспекта Ильича» (№ 11, с. 123).

Все это заставляет вспомнить упреки критиков Вс. Иванову в 20-е гг. по поводу рассказов книги «Тайное тайных» в их иррационализме, неясности мотивов и поступков героев, в нестыкуемости внешнего (поступков) и внутреннего (психологии) у конкретного героя. Этот эффект нестыкуемости, диссонанса, разлада наталкивает на мысль о наличии «фантастического элемента» [Папкова, 2012, с. 173] не только в «Тайном тайных», но и в творчестве Вс. Иванова в целом. И к формуле «фантастического реализма», когда «при всей достоверности подробностей изображаемого можно толковать (рассказ) и как иносказание» [Иванов

Вяч. Вс., 2000, с. 514]. Однако, на наш взгляд, точнее говорить о каком-то особом даре писателя создавать атмосферу тайны, неразгаданности или даже неразгадываемости изображаемого простыми средствами, не порывая с реализмом. Остранение, в том числе и в применении к сюжету, можно тогда квалифицировать не только как способ разгадки тайны, но и как способ ее создания. Не случайно в названии сборника рассказов, определившего суть творчества Вс. Иванова на десятилетия и оставшегося с тех пор подспудным (тайным!), это подчеркнуто дважды, причем в высшей степени: «тайное тайных». Наиболее ясно и убедительно это искусство писателя в создании атмосферы тайного отметил еще А. Лежнев: «Удивительное обстоятельство! Вы начинаете читать какую-нибудь из последних вещей Вс. Иванова. (...) Каждая фраза, каждая деталь ясны и выпуклы до того, что вы можете их ощупать, а все в целом смутно, темно, неопределенно. И вы смущены этой предельной ясностью, остающейся для вас непроницаемой» [Папкина, 2012, с. 175]. Иначе говоря, «невъразимой словом», как в поэтике А. Чехова [Там же, с. 199].

Есть, однако, более близкая, чем Чехов, параллель этому свойству поэтики Вс. Иванова, наследовавшего в своем романе 1942 г. своей же поэтике второй половины 20-х гг. Это роман Б. Пастернака «Доктор Живаго», писавшийся в 40-е гг. и оставлявший впечатление либо неудачи, либо неполной проявленности смысла. Герои этого романа также часто поступают иррационально, а сюжет изобилует неожиданными поворотами и многочисленными стыками. Особенно это очевидно по отношению к сводному брату героя Евграфу, кстати, сибиряку, в моменты его появления в романе. Удивительно совпадая с упомянутыми сюжетными контрапунктами в «Проспекте Ильича», подобные же стыки даны у Б. Пастернака практически неприкрыто. Это и общеизвестный эпизод в начале романа, когда юный Живаго видит в протаявшем окне Лару, собирающуюся к Свентицким. Это и эпизод во время войны, когда подпоручик Галиуллин, Лариса, Гордон, Юрий Живаго «были вместе, рядом, и одни не узнали друг друга, другие не знали никогда, и одно осталось неустановленным, другое стало ждать обнаружения до следующего случая, до новой встречи» [Пастернак, 1989, с. 98]. Тот же принцип контрапунктирования распространяется и на персонажей романа, обнаруживающих свою тождественность историческим лицам и создающих широкое поле интертекстуальности «Доктора Живаго». Так, согласно точке зрения И. П. Смирнова, Евграф уподобляется пушкинскому Пугачеву из романа «Капитанская дочка», «сказочному помощнику из мира революции» [Смирнов, 1996, с. 55–56].

И это только один из моментов, придающих роману Б. Пастернака свойство «романа тайн». Хотя не всегда предлагаемые параллели: Комаровский – Маяковский, Галиуллин – Юсупов, Палых – Штирнер, убедительны. Иначе и, на наш взгляд, адекватнее, интерпретируют проблемы взаимоотношений героев «Доктора Живаго» авторы коллективной монографии о поэтике романа: это родство, и не только семейное, но и «чудесное», «объяснимое законами судьбы, предполагающими взаимосвязь родственных душ и натур, их постоянную перекличку поверх обстоятельств, связь, неведомую им самим», оно, несмотря ни на что, сводит вместе необходимых друг другу людей» [Поэтика «Доктора Живаго»..., 2014, с. 47]. Указывают авторы и на другие признаки жанра «романа тайн»: кроме «ЭНИГМАТИЧЕСКОЙ (выделено автором. – В. Я.) интриги откровения» [Там же, с. 100], это и «перипетийный принцип развертывания нарратива» [Там же, с. 103], и «интерференция повествовательных инстанций» [Там же, с. 104], и «узловая структура сюжета» [Там же, с. 167] с «приемом неожиданного столкновения персонажей», сопровождаемым «семиотической уплотненностью действия» [Там же, с. 168], как правило, в «жестко ограниченном пространстве» [Там же, с. 171], при этом «узлами» («нитями») могут выступать и персонажи, в первую очередь Ев-

граф Живаго [Там же, с. 183]. Сам Вс. Иванов считал в своих записях по теории литературы, что «роман тайн может развиваться не только как уголовный роман (поиски преступника), но и как роман тайных чувств – любви, ненависти, отвращения и т. д. ... Тайна чувств: узнают о чувствах, и так как эти чувства должны превратиться в действия, то ждут эти действия, а затем новые чувства и новые действия» [Иванов, 1978, с. 501].

Роман «Проспект Ильича» не содержит такого заряда эпохальности, замешанной на революционном перевороте и глобальных переменях в жизни России, как «Доктор Живаго». Менее масштабен в нем и сплав философии, публицистики и лирики, какой может быть только у поэта, пишущего роман. Но сходство поэтики обоих романов, имеющих черты жанра «романа тайн», на наш взгляд, очевидно. Роман Вс. Иванова более «локален», привязан к конкретному периоду в истории России – началу войны и потому более реалистичен по содержанию и откровенно эмоционален, приподнято-романтический, временами патетичен по своему пафосу (порой до «слащавости», от которой писатель освобождался при дальнейшей правке), антивоенно-патриотическому духу. А также народен и эпичен в аспекте «самоорганизации» людей разных профессий, социальных слоев и статусов, встающих на odpor врагу, и «глубинной связности – когезии, пронизывающей весь роман» [Якимова, 2018]. В то же время Вс. Иванов не следует во всем «Войне и миру» Л. Толстого, как это может показаться³. Он сохраняет свою самостоятельность как независимый и оригинальный писатель: при этом круг и спектр его чтения, разнообразный по тематике, отраслям знания, эпохам, включая современников, неуклонно расширялся, но на его произведениях это не всегда очевидно отражалось. «На все надо смотреть своими глазами», – говорил Вс. Иванов, как свидетельствует его жена и помощница Т. Иванова [Папкина, 2012, с. 335]. Этот принцип творческой независимости, заявленный еще в середине 20-х гг. в книге «Тайное тайных», нашел свое выражение в романе «Проспект Ильича» в период начальных лет войны, когда происходил мощный эмоциональный и творческий подъем, определенное раскрепощение от идеологии, ощущение свободы творчества. На новом витке своего творчества Вс. Иванов, на наш взгляд, обратился к опыту 20-х гг. и воссозданию атмосферы тайны, в которой его герои могли бы действовать ярко, сильно, свободно, оставаясь в то же время не до конца объяснимыми, до «впечатления неисчерпаемости объяснения поступков и мыслей героя» [Там же, с. 199].

Особенно заметно это при изображении Вс. Ивановым, как и в 20-е гг., любви своего героя (см. выше высказывание Вс. Иванова о жанре «романа тайн»). Еще тогда было замечено, что тайна, таинственное, обозначенное в названии книги, возникает, когда писатель касается этой темы. «Мгновенно возникающая любовь доводит до того, что человек не владеет собой» [Папкина, 2012, с. 168], становясь на грани если не гибели, то резкой перемены в своей судьбе. В «Проспекте Ильича» такая роковая любовь постигает Полину Вольскую, певицу, становящуюся заводской труженицей, а затем разведчицей. В роли «сказочного помощника» влюбленных, подобного Евграфу Живаго, здесь выступает генерал Горбыч. Особенно для Полины, вольно или невольно помогая ей еще больше сблизиться с Матвеем, уже не в рабочей, а фронтовой обстановке. Директор завода Рамаданов явился таким «помощником» для Матвея, прежде всего в осознании им своей роли «культурного героя», продолжающего традиции борцов за свободу (см. его лекцию о «еретиках»). Резко возмужавший, повзрослевший социально (от рабочего до директора завода), духовно (довольствуется «духовной» казнью фон Паупе-

³ В записи от 16 июля 1942 г. своих «Дневников» Вс. Иванов говорит, что «Проспект Ильича» «сравнивали даже с Л. Толстым» [Иванов, 2001, с. 111].

ля), культурно (стремится много читать), он встает на уровень «культурной героини» Полины. Неслучайно поэтому роман завершается гармонически и мирно: атаки гитлеровцев отбиты, завод и Дворец культуры, в том числе радио, восстанавливают свою работу, и Полина с Матвеем вместе, в его квартире. Недоговоренность в их отношениях сохраняет атмосферу тайны, переданной теперь Проспекту Ильича. А сам Ильич, Ленин, по-прежнему «указывает на запад».

Такое неожиданное окончание романа возвращает к его началу и, может быть, не менее важному интертексту произведения – роману А. Белого «Петербург», атмосфера тайны в котором является тотальной, от бытового до оккультного его аспекта. Теперь это тайна не любви, а победы над врагом, уже неизбежной, так как одержана главная победа – над мифом о непобедимости гитлеровцев и над отчужденностью людей друг от друга, показавших волю к самоорганизации. Тем не менее в последующих произведениях Вс. Иванова: цикле «фантастических повестей», романе «Сокровища Александра Македонского» и др. – показано, что тайна, «тайное тайных» – это целый мир, требующий своей разгадки. Своими произведениями Вс. Иванов продемонстрировал, что творчество, как и мир человека, в социуме и вне его, безгранично, открыто, неисчерпаемо⁴.

Список литературы

- Громова Н.* Ноев ковчег писателей. Эвакуация 1941–1945. Чистополь, Елабуга, Ташкент, Алма-Ата. М.: Изд-во АСТ: CORPUS, 2019.
- Иванов Вс.* Дневники. М.: Наследие, 2001.
- Иванов Вс.* Кремль. У: Романы. М.: Сов. писатель, 1990.
- Иванов Вс.* Проспект Ильича: Роман // Сибирские огни. 2016. № 7–12.
- Иванов Вс.* Собр. соч.: В 8 т. М.: Худож. лит., 1978. Т. 8.
- Иванов Вяч. Вс.* Избранные труды по семиотике и истории культуры. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 11.
- Иванов Вяч. Вс.* Пространством и временем полный // Всеволод Иванов – писатель и человек. Воспоминания современников. М.: Сов. писатель, 1975.
- Неизвестный Всеволод Иванов. Материалы биографии и творчества. М.: ИМЛИ РАН, 2010.
- Папкова Е. А.* Андрей Платонов и Всеволод Иванов: спор или диалог? // Творчество Андрея Платонова. СПб: Наука, 2008. Кн. 4.
- Папкова Е. А.* Книга Вс. Иванова «Тайное тайных»: на перекрестке советской идеологии и национальных традиций. М.: ИМЛИ РАН, 2012.
- Пастернак Б. Л.* Доктор Живаго: Роман. М.: Книжная палата, 1989.
- Платонов А. П.* Одухотворенные люди: Рассказы о войне. М.: Правда, 1986.
- Поэтика «Доктора Живаго» в нарратологическом прочтении: Коллективная монография / Под ред. В. И. Тюпы. М.: Intrada, 2014.
- Смирнов И. П.* Роман тайн «Доктор Живаго». М.: Новое литературное обозрение, 1996.
- Толстая-Сегал Е.* Идеологические контексты Платонова // Андрей Платонов: Мир творчества. М.: Современный писатель, 1994.

---

⁴ Остается нерешенным вопрос датировки рукописи романа. В опубликованном в «Сибирских огнях» тексте обращает на себя внимание написание фамилии героя «Кавалев» вместо «Ковалев», как она выглядит в опубликованном в 1943 г. в «Известиях» фрагменте романа. Очевидно, и здесь мы имеем дело с незаконченным романом, как это было в случае с «Сокровищами Александра Македонского» или романом «Кремль», носящим явные следы недоработанности.

Яранцев В. Н. «Тайное тайных» как принцип сюжетной организации

Шкловский В. Всеволод Иванов // Всеволод Иванов – писатель и человек. Воспоминания современников. М.: Сов. писатель, 1975.

Шкловский В. Б. О теории прозы. М.: Сов. писатель, 1983.

Якимова Л. П. Идейно-эстетические особенности романа Всеволода Иванова «Проспект Ильича» как «возвращенного» произведения // Сюжетология и сюжетология. 2018. № 2. С. 139–152.

V. N. Yarantsev

Independent researcher

Novosibirsk

**«Secret Secrets» as a Principle of the Plotary Organization
of the Novel of Vsevolod Ivanov «Ilyich Avenue»**

Ivanov's work "Ilyich Avenue", as a work "returned", is examined in the context of the ideological and aesthetic closeness of his book "The Secret Secrets", also recently introduced into scientific circulation. The military theme, the plot of opposition to the enemy allows the main substantive and constructive principle of the book of Vs. Ivanov's stories through a combination of real and "secret" to function in the novel at the intertextual level, echoing the works of classics and contemporaries of the writer. The closeness of the novel to the military works of L. Tolstoy and A. Platonov, as well as similarities with the construction of the novel by B. Pasternak "Doctor Zhivago", are found. The principle of "estrangement", evident in depicting the realities of the Siberian "eastern" "material", extends to the plot of the novel "Ilyich Avenue". Analysis of some storylines related to the main characters' relations: the scene of acquaintance, forays into the camp of the Nazis, the defense of the Palace of Culture, etc., reveals the use of the "error" technique known in the literature, as well as "recognition / non-recognition" in the aspect of poetics "secrets" and "mystery novel". Subsequently, he entered the recordings of Vs. Ivanov on the theory of literature. The presence of these signs is confirmed by comparison with the novel by B. Pasternak "Doctor Zhivago", which also contains "enigmatic intrigue", which serves as an important structural principle of this work. For the novel "Ilyich Avenue", these features, organic in relation to the work of B. Pasternak, are in complex relations with the content side, entering into a certain discord with the theme of war and the author's anti-war pathos. This was reflected in the apparent incompleteness of the novel, submitted undated edition of the text. At the same time, such "incompleteness" is one of the leading signs of Ivanov's creativity in general, which emanated from the poetics of the "secret secrets", suggesting an understatement. The succession of the novel "Ilyich Avenue" the main book of the writer of the mid-20s it is proved, therefore, in the aspect of the plot organization of this novel.

Keywords: creativity of Vs. Ivanov, military prose, poetics of mystery, detachment, intertextuality.

References

Gromova N. Noev kovcheg pisatelej. Evakuacija 1941–1945. Chistopol, Elabuga, Tashkent, Alma-Ata [Noah's Ark Writers. Evacuation of 1941–1945. Chistopol, Yelabuga, Tashkent, Almaty]. Moscow, Izd-vo AST: CORPUS, 2019. (in Russ.)

Ivanov Vs. Dnevnik [Diaries]. Moscow, Nasledie, 2001. (in Russ.)

Ivanov Vs. Kreml'. U. Romany [Kremlin. U. Novels]. Moscow, Sovetskij pisatel', 1990. (in Russ.)

Ivanov Vs. Prospekt Il'icha. Roman ["Ilyich Avenue". Novel]. *Sibirskie ogni*, 2016, no. 7–12. (in Russ.)

Ivanov Vs. Sbranie sochinenij [Collected Works]. In 8 vols. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 1978, vol. 8 (in Russ.)

Ivanov Vyach. Vs. Izbrannye trudy po semiotike i istorii kul'tury [Selected works on semiotics and cultural history]. Moscow, Yazyki russkoj kul'tury, 2000, vol. 11 (in Russ.)

Ivanov Vyach. Vs. Prostranstvom i vremenem polnyj [Full time and space]. In: Vsevolod Ivanov – pisatel' i chelovek. Vospominaniya sovremennikov [Vsevolod Ivanov – a writer and a man. Memories of contemporaries]. Moscow, Sovetskij pisatel', 1975. (in Russ.)

Neizvestnyj Vsevolod Ivanov. Materialy biografii i tvorchestva [Unknown Vsevolod Ivanov. Biography and creativity materials]. Moscow, IMLI RAN, 2010. (in Russ.)

Papkova E. A. Andrej Platonov i Vsevolod Ivanov: spor ili dialog? [Andrei Platonov and Vsevolod Ivanov: a dispute or dialogue?]. In: Tvorchestvo Andreyana Platonova [Creativity of Andrei Platonov]. St. Petersburg, Nauka, 2008, book 4. (in Russ.)

Papkova E. A. Kniga Vs. Ivanova “Tajnoe tajnykh”: na perekrestke sovetskoj ideologii i natsional'nykh traditsij [Book of Vs. Ivanov “Secret Secrets”: at the crossroads of Soviet ideology and national traditions]. Moscow, IMLI RAN, 2012. (in Russ.)

Pasternak B. L. Doktor Zhivago. Roman [Doktor Zhivago. Novel]. Moscow, Knizhnaya palata, 1989. (in Russ.)

Platonov A. P. Odukhotvorennye lyudi. Rasskazy o vojne [Inspired people: War stories]. Moscow, Pravda, 1986. (in Russ.)

Poetika “Doktora Zhivago” v narratologicheskom prochtenii [The poetics of “Doctor Zhivago” in narratological interpretation]. Collective monograph. Ed. by V. I. Tyupa. Moscow, Intrada, 2014. (in Russ.)

Shklovskiy V. B. O teorii prozy [About prose theory]. Moscow, Sovetskij pisatel', 1983. (in Russ.)

Shklovskiy V. Vsevolod Ivanov. In: Vsevolod Ivanov – pisatel' i chelovek. Vospominaniya sovremennikov [Vsevolod Ivanov – a writer and a man. Memories of contemporaries]. Moscow, Sovetskij pisatel', 1975. (in Russ.)

Smirnov I. P. Roman tajn “Doktor Zhivago” [The mystery novel “Doctor Zhivago”]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 1996. (in Russ.)

Tolstaya-Segal E. Ideologicheskie konteksty Platonova [Platonov's Ideological Contexts]. In: Andrej Platonov: mir tvorchestva [Andrei Platonov: The World of Creativity]. Moscow, Sovremennyj pisatel', 1994. (in Russ.)

Yakimova L. P. Idejno-esteticheskie osobennosti romana Vsevoloda Ivanova «Prospekt Il'icha» kak “vozvrashhennogo” proizvedeniya [Ideological and aesthetic features of the novel by Vsevolod Ivanov “Ilyich Avenue” as a “returned” work]. In: *Syuzhetologiya i syuzhetografiya* [Studies in Theory of Literary Plot and Narratology], 2018, no. 2, p. 139–152. (in Russ.)

Vladimir N. Yarantsev – Candidate of Philology, philologist, literary critic (Novosibirsk, yarantsevvn@mail.ru)